

Лактюхина Елена Геннадьевна, Антонов Георгий Вячеславович

ТРАНСФОРМАЦИЯ БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СССР И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В статье представлен социологический анализ динамики брачного поведения населения России в контексте изменений социальной политики и семейного законодательства в XX - начале XXI века. Критерием анализа выступают коэффициенты брачности, рождаемости, разводимости, средний возраст вступления в брак. Авторами выявлены тенденции изменения брачного поведения в различных поколенческих когортах, в том числе раскрывается специфика функционирования современных молодых семей, представленных поколением 1985-1990 гг. рождения. Проанализирована зависимость основных количественных характеристик брачного поведения от социально-политических факторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 128-132. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Баева Л. В. Аксиологический анализ феномена жизни // *Философия и общество*. 2003. № 3. С. 139-158.
2. Баева Л. В. Духовность личности с позиции экзистенциальной аксиологии // *Философия образования*. 2003. № 8. С. 46-57.
3. Зиммель Г. Кризис культуры // Зиммель Г. *Избранное*. М.: Юрист, 1996. Т. 1. Философия культуры. С. 489-494.
4. Зиммель Г. Мода // Зиммель Г. *Избранное*: в 2-х т. М.: Юрист, 1996. Т. 2. Созерцание жизни. С. 266-292.
5. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. *Сочинения*: в 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 631-693.
6. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. *Сочинения*: в 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 407-525.
7. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. *Сочинения*: в 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 5-238.
8. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Ницше Ф. *Сочинения*: в 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т. 1. 829 с.
9. Ницше Ф. Ессе Номе. Как становятся самим собой // Ницше Ф. *Сочинения*: в 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 693-770.
10. Хаббермас Ю. Зиммель как диагност времени // Зиммель Г. *Избранное*: в 2-х т. М.: Юрист, 1996. Т. 2. С. 539-549.

**PHENOMENON OF ALIENATION IN CULTURAL AND PHILOSOPHICAL
CONCEPTIONS OF F. NIETZSCHE AND G. SIMMEL**

Kunyashova Elena Valer'evna
Astrakhan State University
elenakunyashova@mail.ru

The article presents the historical and philosophical analysis of the phenomenon of alienation in the views of the representatives of "philosophy of life" – F. Nietzsche and G. Simmel. Alienation is considered as a complex existential phenomenon determined by both the person's spiritual attitude and cultural-historical conditions. The paper provides the characteristics of the European cultural-historical context of the XX century, and the key features of the conceptions of F. Nietzsche and G. Simmel are identified.

Key words and phrases: alienation; philosophy of life; crisis of culture; freedom; loneliness; mass culture; fashion.

УДК 314.56

Социологические науки

В статье представлен социологический анализ динамики брачного поведения населения России в контексте изменений социальной политики и семейного законодательства в XX – начале XXI века. Критерием анализа выступают коэффициенты брачности, рождаемости, разводимости, средний возраст вступления в брак. Авторами выявлены тенденции изменения брачного поведения в различных поколенческих когортах, в том числе раскрывается специфика функционирования современных молодых семей, представленных поколением 1985-1990 гг. рождения. Проанализирована зависимость основных количественных характеристик брачного поведения от социально-политических факторов.

Ключевые слова и фразы: брачность; разводимость; поколение; брачное поведение; семейная политика; рождаемость; институт брака.

Лактюхина Елена Геннадьевна, к. соц. н.
Антонов Георгий Вячеславович, к. соц. н., доцент
Волгоградский государственный университет
Laktuchina@mail.ru; antonovgv@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СССР И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований 14-13-34002 «Новейшие тенденции в развитии института брака в современной России».

Молодые семьи современной России, представленные поколением последнего советского «бэби-бума» (1985-1990 гг. рождения), демонстрируют следующие характеристики: нетипично высокий уровень разводов, откладывание рождения детей на более поздний срок и полный отказ от рождения, массовое предвращение официального брака сожительством и т.д. Перечисленные тенденции гораздо более выражены в западных обществах, кроме того, в странах Западной Европы и США они стали проявляться на несколько десятилетий раньше. Поэтому в настоящее время принципиально важно выявить, о чём свидетельствуют вышеперечисленные тенденции в нашей стране и в каком направлении институт семьи будет развиваться дальше. Целью данной статьи является анализ динамики брачного поведения в России в нескольких поколениях и выявление причин его изменения.

Поколенческие особенности в той или иной степени связаны с изменениями в семейной политике, задающей определённый контекст брачного поведения. Так, И. С. Кон выделяет четыре периода сексуальной политики:

- прогрессивная сексуальная политика (1917 г. – середина 1930-х гг.);
- репрессивная или политика замалчивания (середина 1930-х гг. – начало 1960-х гг.);

- одомашнивание (начало 1960-х гг. – 1987 г.);
- либерализация или сексуальная революция в публичной сфере (1987 г. – настоящее время) [11].

Соответственно представленным периодам, взятым в качестве поколенческого критерия, А. Роткирх определяет возрастные когорты, каждую из которых отличает специфика брачного поведения:

- родившиеся в период с 1900 г. по 1920 г. и социализировавшиеся в период прогрессивной сексуальной политики;
- старшее поколение или поколение умолчания, родившееся между 1920 г. и 1945 г., чье формирование пришлось на 1935-1960 гг.;
- среднее поколение, поколение персонализации (1945-1960 гг. рождения), формировавшееся в период 1960-х – 1980-х гг.;
- поколение гласности или артикуляции, родившееся после 1965 г., период формирования которого приходится на 1980-е гг. и далее [9, с. 37].

На основе анализа современных тенденций брачности следует также выделить поколение последнего советского «бэби-бума», родившееся в период с 1985 г. до 1990 г.

Обращаясь к первым результатам реформ послереволюционной России (в первую очередь, принятие Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г.), следует отметить повышение уровня разводов в крупных городах, который к началу 1930-х гг. стал одним из самых высоких в мире – 11,0 (специальный коэффициент разводимости из расчёта к числу брачных пар), в то время как в 1913 г. он равнялся 0,15. Безусловно, такой рост связан с упрощением процедуры развода. Частично он компенсируется юридическим оформлением давно распавшихся союзов, так как в дореволюционной России развод был практически невозможен. Однако изменение семейного законодательства было лишь частью курса на построение «нового быта», связанного с женской эмансипацией и новым гендерным контрактом, который, по мнению народного комиссара государственного призрения А. М. Коллонтай, предполагал «изменение структуры жилья – распространение общежитий и домов-коммун, развитие общественного питания, облегчающего труд работающих женщин; новый тип отношений между супругами, новые практики любви» [7, с. 7].

Средний брачный возраст к 1926 г. равен 23,0 годам для мужчин и 20,9 – для женщин (в 1897 г. был равен 24,2 и 21,4 годам соответственно). В это же время появилась тенденция заключать экстремально короткие браки, «браки на ночь», продолжительностью от нескольких дней до нескольких месяцев, характерная для крупных городов, регионов с высоким уровнем миграции (притоком молодежи) и гендерными перекосами, таких как Сибирь и Дальний Восток [5]. Освещая положение семьи в послереволюционном Петрограде, П. А. Сорокин пишет: «На 10 000 браков теперь приходится 92,2% разводов – цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51% были продолжительностью менее одного года, 11% – менее одного месяца, 22% – менее двух месяцев и лишь 26% – свыше 6 месяцев» [10, с. 278].

К началу 1930-х гг. процесс распада молодых семей упрочился, достигая уровня 23% для браков продолжительностью до года. Необходимость новых образцов семейной жизни отмечалась в докладных записках руководителей регионов, письмах населения и статьях революционеров. Так, С. Н. Равич отмечает: «Старые, гнилые устои семьи и брака рушатся и идут к полному уничтожению с каждым днём. Но нет никаких руководящих начал для создания новых, красивых, здоровых отношений. Идет невообразимая вакханалия. Свободная любовь лучшими людьми понимается как свободный разврат. Самые ответственные политические люди, вожди революции, сами в этой области до очевидности бессильны и явно не связывают концов с концами. Молодёжь не имеет сколь-нибудь определенного влияния» [8, с. 23].

Семейная жизнь «поколения умолчания» формировалась в условиях усиления государственного контроля над личной жизнью граждан. Началом нового этапа стало принятие 27 июня 1936 г. постановления ВЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатежи алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе». Семьи этого поколения характеризует незначительное постепенное снижение уровня разводов, в первую очередь, вызванное ужесточением законодательства, в 1940 г. браков со сроком менее года распалось 21%, пик разводов (43,8%) приходится на интервал от года до четырёх лет. К 1950 г. тенденция усиливается: уровень разводов в браках до одного года равен 3,1%; 1-4 года – 37,9%; 5-9 лет – 20,9%; 10-19 лет – 32,4%. В целом количество разводов идет на спад. Также характерны некоторое увеличение среднего возраста вступления в брак и повышение доли никогда не состоявших в браке к концу жизни. Эпизодическим является и спровоцированное запретом абортов повышение рождаемости в период 1936-1937 гг., и увеличение количества матерей-одиночек. Однако временные отклонения от традиционной модели брачности были вызваны скорее кризисом, коллективизацией, голодом и войной и не являются свидетельством перехода к новой модели.

Политика «умолчания» выражалась в исключении тем сексуальности из областей культуры и искусства и помещении вопросов «телесности» в сферу психиатрии в связи с нарушениями «схемы тела» при шизофрении. «Нормальный, здоровый человек своего тела не чувствует, не осознает и им не интересуется» [4, с. 102]. На волне демографических неудач в официальном дискурсе отмечается поворот к патриархальным взглядам на семью и отказ от идеи «свободной любви». Период позднего социализма И. С. Кон называет периодом одомашнивания или «неуклюжего приручения» сексуальности.

Основные характеристики института брака этого времени в некоторой степени повторяют тенденции европейских стран. Во-первых, брак снова «молодеет» – если в 1966 г. медианный возраст впервые вступающих в брак составлял 23,7 года для невест и 26,7 для женихов, то в 1981 г. – 21,5 и 23 года соответственно при одновременном распространении добрачных половых связей. Омоложение брачности в России в 1960-1980-х гг.

происходит на фоне снижения возраста начала половой жизни, что при низкой контрацептивной культуре приводило к распространению добрачных зачатий. «Среди всех детей, рожденных в 1960-1980-е гг. в первом браке, 30-40% были зачаты до официальной регистрации брака» [2].

Трансформация брачного поведения во многом связана с изменением законодательства. С 1965 г. рождаемость в России не обеспечивает простого воспроизводства (в 1967 г. суммарный коэффициент рождаемости равен 1,9%, в то время как в начале 1960-х гг. достигал 2,4%). Поэтому центральной идеей нового семейного кодекса, принятого в 1969 г., является забота о детях и поощрение материнства со стороны государства путём предложения широкого спектра социально-экономической помощи: «Создание и развитие широкой сети родильных домов, детских яслей и садов, школ-интернатов и других детских учреждений, организация и совершенствование службы быта и общественного питания, выплаты пособий по случаю рождения ребёнка, предоставление пособий и льгот одиноким матерям и многодетным семьям, а также других видов пособий и помощи семье» [3]. Эти меры привели к кратковременному эффекту, к 1971 г. коэффициент рождаемости вырастает до 2,0% и снова снижается через пять лет. Рост рождаемости наблюдается в молодых семьях, то есть происходит за счёт первых рождений.

Расторжение брака также претерпевает некоторые изменения. Согласно новому кодексу, муж не вправе подать заявление о расторжении брака во время беременности жены и в течение одного года после рождения ребёнка. Суд обязан предпринять меры к примирению супругов, и только в случае установления невозможности дальнейшей жизни супругов брак будет расторгнут. Однако большое значение имеет не принятие нового Кодекса, а введение Указа Президиума Верховного Совета РСФСР в 1966 г., вносившего ряд изменений, в том числе исключавшего пункт о публикации в местной газете объявления о возбуждении судебного производства о разводе. В свою очередь, коэффициент разводимости, равнявшийся в 1960 г. 1,5% (что в целом не превышало общеевропейских тенденций), к 1966 г. вырастает до 3,2%. Резкий скачок разводов отчасти объясняет юридическое оформление фактически распавшихся к этому времени браков. Это подтверждает динамика средней продолжительности расторгаемых браков. В начале 1960-х гг. их продолжительность составляла 6,5 года, во второй половине десятилетия увеличилась до 8,2 года и затем стала снижаться до прежних цифр. Всплеск разводов в 1970-х гг. – начале 1980-х гг. обусловлен приростом количества молодых семей многочисленных поколений, родившихся в начале 1950-х гг. Так как браки с низким стажем наиболее нестабильны, росли и показатели разводов. Однако простой рост числа брачных пар не объясняет полностью данные показатели. За последние двадцать пять лет общий коэффициент разводимости возрос не только из-за увеличения числа вступивших в брак, но и за счёт изменений в брачном поведении молодёжи. Усиление обозначенных тенденций существенно изменило картину брачности. С политикой гласности, по мнению И. С. Кона, в России наступает период сексуальной революции, выразившейся в изменении норм сексуального поведения. Так, частота браков восемнадцатилетних женщин поколения 1970-х годов рождения превысила уровень остальных однолетних возрастных групп. Активизация семейной политики в начале 1980-х гг. также увеличивает рождаемость в молодом возрасте. Наличие официальной регистрации брака обеспечивало молодым супругам доступ ко многим социальным льготам.

В результате к началу 1990-х годов возрастные характеристики первого брака оказались на уровне второй половины XIX века, т.е. вернулись к тем, какими они были когда-то у их прабабушек и прадедушек. Низкая контрацептивная культура на фоне социальных изменений к концу 1980-х гг. привела к высокой распространенности добрачных зачатий, которые, в свою очередь, под давлением «общественной морали» стимулировали заключение «вынужденных браков» (что стало одной из главных причин омоложения брачности женщин в России в 1960-х – начале 1990-х гг.). Одновременно с увеличением количества ранних браков повышается и уровень разводов в возрастных когортах 20-24 и 25-39 лет. Однако в 1993-1994 гг., в период социально-экономических реформ, интенсивность браков снижается, в том числе и спровоцированных беременностью. Временное снижение возраста вступления в брак завершается, и брачность в России снова «стареет».

Конец 1980-х и начало 1990-х гг. отмечены появлением в советском и российском законодательстве категории молодой семьи и увеличением количества социальных проектов, направленных на её укрепление. В это же время на фоне высокой разводимости растёт научный интерес к проблемам молодой семьи. Объектом исследований становится городская молодая семья, представляющая, во-первых, статистическое большинство (доля городских семей неуклонно растёт с началом индустриализации и в 1989 г. составляла 68%), во-вторых, городская семья подвержена большим рискам и демонстрирует более высокий уровень разводов.

Изменения в российской семье, происходящие во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., олицетворяют второй демографический переход, в Западной Европе и США начавшийся десятилетиями ранее. Наряду с увеличением возраста первого брака, распространения добрачного сожительства, изменяются и установки детности (если в 1960 г. желаемое число детей находилось в пределах 2,1, что характеризовало переход к двухдетной модели семьи, то с началом 1990-х гг. отмечается поворот к однодетной структуре, ожидаемое число детей уже приближается к 1,7, в настоящее время этот показатель существенно не изменился). Однако в сфере репродуктивных установок существует некоторое противоречие: неудовлетворённость браком тесно связана с ориентацией на рождение детей; как показывают опросы, неудовлетворённые браком придают первостепенное значение наличию детей, придерживаясь мнения «без детей нет семьи», однако в целом эти семьи не проявляют готовности к рождению ребёнка в собственном браке [1, с. 31]. Сложившаяся ситуация свидетельствует о сохранении традиционных установок относительно способов организации семьи, но практически эти установки не осуществляются.

В настоящее время современная семья характеризуется увеличением возраста вступления в брак и, как следствие, увеличением возраста первых рождений. Медианный возраст заключения первых браков в настоящее

время составляет 23,7 года для женщин и 26,7 – для мужчин. «По сравнению с минимальными значениями, достигнутыми в 1993 г., средний возраст заключения брака для мужчин увеличился на 3,1 года, для женщин – на 2,8 года. Быстрое “постарение” брачности у мужчин вызвало увеличение средней разницы в возрасте жениха и невесты. Если на протяжении десятилетий – до 1990-х гг. – она держалась на уровне 2 лет, то в настоящее время разница в возрасте достигла 3 лет» [6, с. 68]. Такая тенденция свидетельствует об изменениях в структуре брачной мотивации, демонстрируя ориентированность женщин на выбор партнёра с высоким социальным статусом и материальным положением, а также стремление мужчин отложить заключение брака на более поздний срок.

Брачный возраст не перестает повышаться и в крупных городах достигает европейских показателей. Как следствие, увеличивается возраст первых рождений. В столичных городах ярко выраженный максимум рождаемости отмечен в возрастных группах 25-29 лет и 30-34 года. Доля рождений в течение первого года брака снижается, но по-прежнему рождение первенца приходится на первые три года брака. Наблюдается не только откладывание рождений на более поздний срок в браке, но собственно создание семьи переносится на возрастной этап 25-35 лет. То есть молодая семья сегодня значительно старше, чем ещё десятилетие назад, а следовательно, имеет иные качественные характеристики.

Особый интерес представляют показатели внебрачной рождаемости. С началом 2000-х гг. общее число рождений вне зарегистрированного брака продолжает повышаться, в результате чего доля внебрачных рождений достигает 30% от общего числа родившихся. При этом наблюдается рост внебрачных рождений в возрастах с максимальной вероятностью вступления в брак (в то время как двадцать лет назад одинокое родительство было характерно для возрастных групп до 20 и старше 30 лет). Безусловно, цифры показателей внебрачной рождаемости ещё не говорят о собственно одиноком материнстве, в число внебрачной попадает рождаемость в незарегистрированных союзах – фактических браках. Тем не менее массовость этой тенденции демонстрирует изменение в отношении к браку, подвергая сомнению его «обязательность». Следует подробнее остановиться на такой особенности, характеризующей современную молодую семью, как распространённость добрачного сожительства. В возрасте до 25 лет формальные союзы теперь не являются доминирующими, доля распространения сожительства в возрасте от 20 до 24 лет достигает 17-19%. В настоящее время около половины всех первых браков начинается с юридически неоформленных отношений. Практика предварения законного брака сожительством укоренилась в большинстве европейских стран гораздо раньше, в начале 1970-х гг. При этом незарегистрированные союзы в России демонстрируют довольно высокую прочность в отличие от европейских тенденций.

Существуют противоположные точки зрения на вопрос о взаимосвязи стабильности брачных отношений и добрачного сожительства, однако слишком короткий период наблюдений в России не позволяет сделать точных выводов. Вместе с тем справедливо утверждение: рост разводов и сожительств приходится на одно и то же время, следовательно, обе тенденции может объяснить изменение в восприятии ценности брака, и в первую очередь не брачных отношений как таковых, а законного пожизненного брака с одним партнёром. Такую точку зрения косвенно подтверждают данные выборочных исследований о причинах разводов: за последние два десятилетия возросло число респондентов, придерживающихся мнения, что создание семьи – часть общественной программы, нечто принятое по умолчанию. Вымывание ценностной основы и простое «следование правилу» не может не сказаться на качестве брачных союзов.

Обозначенные выше тенденции тесно взаимосвязаны и с изменением структуры разводов. Интенсивность расторжения браков в возрасте до 30 лет растёт начиная с конца 1970-х – начала 1980-х гг. В период с 2004 по 2009 г. средний возраст разводящихся супругов снижается. Доля браков, закончившихся разводом к пятому году существования, увеличивается, переходя от старших к младшим брачным когортам (25-35 лет). Современная молодая семья остается наиболее нестабильной в сравнении с более поздними этапами семейной жизни. Однако она обладает уникальными характеристиками. Для расторжения современного брака практически нет непреодолимых причин: неудовлетворённость отношениями – достаточная причина для их прекращения, что в значительной степени объединяет законные браки с сожительством.

Обозначенные тенденции невозможно объяснить только с точки зрения институциональной дезорганизации или проблем межличностного взаимодействия. Являясь симптомом и разрушения социального порядка, и отсутствия механизмов стабилизации семейных отношений, проблема стабильности брака требует как организованной работы на уровне отдельных семейных пар, так и корректировки основных принципов семейной политики. Во-первых, являясь массовой практикой, развод оценивается как «норма», что приводит к девальвации не только процедуры регистрации брака, но и утрате ценности крепкой семьи как таковой; брак заключается даже в тех случаях, когда будущие супруги не намерены создавать продолжительные отношения. Следовательно, в таком случае молодые супруги не направляют усилия для преодоления конфликтных ситуаций.

Широко распространенные службы социальной помощи семье ориентированы в первую очередь на работу с семьями, имеющими детей, однако брачная пара без детей объектом социальных программ практически не является. В условиях низкой рождаемости программные документы семейной политики носят пронализисский характер, представляя молодую семью основным демографическим ресурсом, ориентируя супругов на обеспечение расширенного воспроизводства населения. При этом не учитывается, что установки детности молодых супругов к наступлению активного репродуктивного возраста уже сформированы. Следовательно, формирование установок на расширенное воспроизводство актуально для более молодых категорий населения, в то время как приоритетным направлением мероприятий, направленных на уже образованные молодые семьи и пары, готовящиеся вступить в брак, должно стать укрепление установок на создание прочных эмоциональных связей в зарегистрированном браке.

Список литературы

1. Дементьева И. Ф. Первые годы брака: проблемы становления молодой семьи. М.: Наука, 1991. 109 с.
2. Захаров С. В. Брачность в России: история и современность [Электронный ресурс] // Демоскоп. 2006. № 261–262. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema03.php#8> (дата обращения: 06.11.2014).
3. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30.07.1969 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=6219> (дата обращения: 06.11.2014).
4. Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997. 464 с.
5. Кулинич Н. Г. «Свободная любовь» и советский брак: семейные отношения в городах Дальнего Востока (1920-1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 1 (23). С. 42-54.
6. Население России 2009: семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневецкий. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 334 с.
7. Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография / под ред. Е. А. Здравомысловой, А. Роткирх, А. А. Тёмкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 524 с.
8. Равич С. Н. Борьба с проституцией в Петрограде // Коммунистка. 1920. № 1 (2). С. 21-23.
9. Роткирх А. Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев // пер. с англ. Е. Д. Никифоровой; науч. ред. Е. А. Здравомыслова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 390 с.
10. Сорокин П. А. Диспут // Экономист. 1922. № 4-5. С. 277-280.
11. Кон I. The Sexual Revolution in Russia: From the Age of the Czars to Today. N. Y.: Free Press, 1995. 337 p.

TRANSFORMATION OF MATRIMONIAL BEHAVIOUR IN THE USSR AND POST-SOVIET RUSSIA

Laktyukhina Elena Gennad'evna, Ph. D. in Sociology
 Antonov Georgii Vyacheslavovich, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
 Volgograd State University
 Laktuchina@mail.ru; antonovgv@mail.ru

The article presents a sociological analysis of the dynamics of the matrimonial behaviour of the population of Russia in the context of the changes of social policy and family legislation in the XX – at the beginning of the XXI century. Marriage rates, birth rates, divorce rates, the middle age of marriage serve as criteria for the analysis. The authors identify tendencies to changing matrimonial behaviour in various generation cohorts, reveal the specifics of the functioning of modern young families represented by the generation of 1985-1990 years of birth. The paper analyzes the dependency of the basic quantitative characteristics of matrimonial behaviour on social and political factors.

Key words and phrases: nuptiality; divorce; generation; matrimonial behaviour; family policy; birth rate; institution of marriage.

УДК 14

Философские науки

В статье приводятся некоторые срезы фундаментальной для философской онтологии категории бытия. Это позволит раскрыть широту и многогранность данного понятия и особенности его понимания в различных типах мировоззрения. Поскольку бытие являет собой предельно общее понятие, где не «работают» традиционные способы изучения и определения, то раскрытие структуры представляется чуть ли не единственным способом понимания его содержания.

Ключевые слова и фразы: бытие; структура бытия; объективная и субъективная реальность; действительная, виртуальная и информационная реальность; феноменальное и ноуменальное бытие, подлинное и кажущееся бытие.

Магомедов Камиль Магомедович, к. филос. н., доцент
 Дагестанский государственный институт народного хозяйства
 magomedov49@mail.ru

СТРУКТУРА БЫТИЯ В ЗЕРКАЛЕ НЕЛИНЕЙНОГО МЫШЛЕНИЯ[©]

Понятие бытия отвлекается от всех конкретных различий вещей, предметов и процессов, кроме одной их черты, а именно – их существования, что задает миру исходную целостность и делает его объектом философского размышления. В силу своей предельности и всеобщности его невозможно понять и определить традиционными способами, так как оно не укладывается в прокрустово ложе конкретных определений и способов понимания:

- не подходит для понимания бытия «классический» способ определения – через «подведение» определяемого понятия под более широкую категорию, потому что такой просто не существует, оно предельно широкое по объему, и в орбиту бытия включены и природа, и общество, и человек, и даже Бог, поскольку и Он обладает предикатом существования;